

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕРНАКУЛЯРНАЯ АРХИТЕКТУРА ГЮМРИ:
ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ И ПОДХОД К СОХРАНЕНИЮ**

Андрей Иванов

Агентство промышленного развития города Москвы

Ключевые слова: *живой вернакулярный город, вернакулярный ансамбль, регулярный вернакуляр, свобода внутри решетки, черный туф, мастер.*

В статье приводится ряд обоснований адекватности термина «вернакулярная» природе гюмрийской исторической «архитектуры без архитекторов».

Выясняются соотношения со спецификой Гюмри теоретических концептов урбанистического понятия «вернакулярный город», разрабатываемого в гуманитарной географии понятия «городской вернакулярный район» и предлагаемого автором понятия «вернакулярный ансамбль», обосновывается: правильно ли говорить не только о вернакулярной архитектуре Гюмри, но и о Гюмри в целом как о живом вернакулярном городе? Выделяются 4 этапа развития Александрополя-Ленинакана-Гюмри как города, преемственно воспроизводящего локальную архитектуру, создаваемую на основе характерных для Западной Армении традиций домостроения, использования местных и столичных образцов и прототипов и импровизации мастеров-каменщиков в рамках общепризнанных неписаных правил построения городской среды.

Отвечая на вопрос: можно ли сохранить и как правильно сохранять в современном глобализующемся мире историческую вернакулярную архитектуру Гюмри, автором выдвигается и обосновывается принцип «в вернакулярном городе мысли и действуй вернакулярным образом».

1. УНИКАЛЬНОСТЬ ГЮМРИ

*That far land we dream about,
Where every man is his own architect.*

Роберт Браунинг¹

1.1 Общие сведения о городе

Город Гюмри назывался ранее Кумайри (по данным древнегреческих историков, он существовал в VIII в. до н. э.), Гумры (XVIII – начало XIX века), Александрополь (крепость основана в 1835 г., город учрежден в 1840 г.) и Ленинакан (1924–1991 гг.). К концу XIX – началу XX вв. это был крупнейший город управлявшейся Россией Восточной Армении, важный экономический и культурный центр Южного Кавказа, место дислокации российского военного гарнизона вблизи границы с Османской империей. Историческая часть города, малоэтажные кварталы, построенные практически без участия архитекторов, сохранили свою аутентичность в советское время как многофункциональный центр города. Однако в 1988 г. город был разрушен землетрясением, к которому добавился ряд других травмирующих событий: закрылись советские промышленные предприятия; независимая Армения вступила в полосу экономического кризиса; большинство активных и образованных горожан уехали.

С тех пор город выживает и развивается в основном самостоятельно, опираясь на врожденную городскую культуру горожан, уникальные местные традиции и упорство оставшихся жителей.

1.2 Основные этапы городского развития

Александрополь-Ленинакан-Гюмри – это город, преемственно воспроизводящий и развивающий локальную архитектуру исторических городов Западной Армении, оказавшихся в границах Османской империи (Ван, Муш, Карс и др.). Оттуда в Александрополь добровольно переселились первые мастера-каменщики после присоединения Восточной Армении к России в 1829 г. и принесли с собой свои умения. Потомки и ученики этих мастеров, используя местные традиции домостроения и импровизируя в рамках общепризнанных неписаных правил, продолжают здесь вернакулярное строительство вплоть до сегодняшнего дня.

¹ *Browning [1873]*. Приблизительный перевод: «Та далекая земля, о которой мы мечтаем, / Где каждый человек – свой собственный архитектор».

Илл. 1. План крепости и города Александрополь. 1830-е гг.

Выделяются 4 этапа вернакулярного развития города:

традиционный (1830-е – 70-е гг., когда город получил регулярный план с прямоугольной сеткой кварталов и начал застраиваться первыми каменными зданиями);

мультикультурный (1880-е – 1910-е гг. – расцвет Александрополя после присоединения к России соседней Карсской области и строительства железной дороги до Карса, когда город, не изменяя своей природе, активно вбирал в себя модные архитектурные веяния);

компенсационный (1920-е – 50-е гг., когда вернакулярное строительство частных жилых зданий на средства горожан продолжалось вопреки официальной политике советского государства);

неовернакулярный (1990-е – настоящее время, когда после периода торжества модернизма и массового возведения многоквартирного жилья возрождается строительство традиционных частных жилых домов из черного туфа).

Но и в 1960-е – 80-е годы в городе работали отдельные мастера-строители, и вернакулярная традиция в целом не прерывалась.

Илл. 3. Бригада Мукуча Мхитаряна во время восстановления колокольни храма Всеспасителя, 1965.
Источник: URL: <http://cfa.am/en/construction-masters>
(дата обращения: 31.03.2020).

Илл. 2. Общий вид Александрополя. Открытка, 1900-е гг

1.3 Вернакулярный метод строительства

В архитектурных текстах термин «вернакуляр» употребляется в применении к застройке, выполненной без участия профессиональных зодчих, обладающей определенными средовыми и художественными достоинствами и названной Бернардом Рудовски «архитектурой без архитекторов» (*Rudofsky* 1964).

Интерес к такой застройке, медленно нараставший в течение всего XX века, оформился в его конце в «Хартии по построенному вернакулярному наследию», ратифицированной в 1999 году 12-й Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Мехико. Хартия оценивала вернакулярное наследие или, иными словами, историческую вернакулярную архитектуру, как «занимающее центральное место в привязанностях людей к их среде обитания <...> составляющее ядро существования человека как такового <...> фундаментальное выражение культуры сообщества, его отношений с занимаемой им территорией и, в то же время, выражение культурного разнообразия мира». «Оно появляется неформальным образом, но тем не менее упорядочено. Оно выполняет утилитарные функции и в то же время обладает уникальностью и красотой. Это фокус современной жизни и в то же время свидетельство истории общества. Это творение человека, но также и результат работы времени. Было бы антигуманно не принимать мер по сохранению этого традиционного гармоничного наследия» (*Charter on the Built...* 1999).

Для прояснения разницы понятий «народная» и «вернакулярная» архитектура я воспользуюсь мнением известного исследователя вернакуляра Аллена Нобла, считающего, что если авторами народной архитектуры обычно являются лица, не обученные профессионально строительному искусству, то вернакулярная архитектура также создается простыми людьми (*the common people*), но может быть создана и профессионалами, прошедшими обучение по системе «мастер-подмас-

терье» (apprenticeship), с использованием при этом местных, традиционных образцов и материалов (Noble 2007: 1-17).

Именно такие профессионалы, входившие в гильдию каменщиков, были основными акторами строительства Александрополя. При «проектировании» и строительстве домов они использовали и творчески перерабатывали архитектурные «прототипы» (уже построенные другими мастерами или ими самими здания) и «образцы» (опубликованные в альбомах и каталогах чертежи построек различных типов).

Знаменитый армянский архитектор Рафаэль Исраэлян, тонко чувствовавший нюансы исторического зодчества Армении, в своей статье 1954 года «Об архитектуре Ленинакана» подчеркивал умение местных мастеров использовать исторические аналоги: «Особенно заметно сходство творений профессиональных мастеров Александрополя/Ленинакана с архитектурой города Ани. Дело в том, что мастера-архитекторы XIX в. не стали слепо следовать особенностям архитектуры прошлого, но развивали ее в соответствии с современными требованиями, так, чтобы она выглядела соответствующей современной архитектуре и все же следовала старым традициям» (Israelyan 1982).

При формировании города действовали обратные связи, важные для устойчивости любой системы: прототип/образец – новый дом – реакция коллег-мастеров, заказчика и его соседей – извлечение уроков и совершенствование умений – следующая постройка, отличавшаяся от прежней, как правило, в лучшую сторону.

Таким образом строились и храмы. Показательный пример – строительство церкви Аменаприкч (Всеспасителя). Самый большой храм города (и самая высокая на тот момент армянская церковь в мире) возведена в 1860–1873 гг. на средства, пожертвованные горожанами, как копия кафедрального собора Ани – одной из древних столиц Армении, руины которой находятся недалеко от Гюмри. Строительство осуществили местные мастера Тадевос Андикян и Манук Петросян. На протяжении четырнадцати лет каждое воскресенье мастер Тадевос в экипаже направлялся в Ани и делал там обмеры собора, что давало ему возможность осмысленно руководить осуществлявшимся в Александрополе грандиозным проектом (Патикян 2011).

Илл. 4. Собор Ани (989-1001, архитектор Трдат); церковь Святого Спасителя (Аменаприкч) в Александрополе. Фотографии начала XX в.

Примечательно, что мастер-строитель Аменапркича – его называли в городе «мастером мастеров» («варпетац варпет») и мэтром (устабаши) (Согомонян 2018) – «открыл» и оценил анийские шедевры зодчества своего народа тысячелетней давности задолго до академика Николая Марра и архитектора Тороса Тораманяна².

Илл. 5. Вернакулярный ансамбль улицы Абовяна. Фото автора, 2019

И даже практически «освоил» один из них, взяв в качестве величественного образца. Но строил он Аменапркич так же, как любой городской дом-опираясь на прототип и импровизируя: по сравнению с оригиналом в новом храме увеличен размер, изменены пропорции и детали (так, вместо циркульных появились стрельчатые арки), сфантазирован купол³. Образ собора Ани послужил своего рода «решеткой» – каркасом для творчества мастера.

1.4 Живой вернакулярный город: свобода внутри решетки

Одним из первых российских адептов понятия архитектурного и средового вернакуляра был урбанист Александр Высоковский, который в своей лекции 2013 года «Вернакулярный город» говорил о «невидимой, но очень мощной структуре понимания и идентификации места, в котором живут горожане», как о «мыслительной конструкции, порожденной самими людьми в процессе жизнедеятельности», и назвал ее «вернакулярным городом или вернакулярной структурой, по аналогии с вернакулярным районом и другими вернакулярными конструктами, которые не являются результатом осознанной технической или научной деятельности, а возникают в процессе жизнедеятельности, проживания и вживания, взаимодействия с окружающими физическими объектами и социальными средами» (Высоковский 2015).

Уникальный материал сохранившейся в Гюмри исторической вернакулярной застройки позволяет раскрыть некоторые аспекты формирования и бытования ее особого типа – «регулярного» вернакуляра, созданного искусными местными мастерами-каменщиками – актерами срединной архитектурной культуры. Именно ими – в парадигме «свобода внутри решетки», при «рамочном» участии военных инженеров и инженеров-строителей (возможное в ряде случаев участие профессиональных зодчих пока документально не подтверждено) и был создан город Александрополь.

² Вряд ли мастеру были известны самые первые специально посвященные Ани издания – выпедшие одновременно с его работой над александропольским храмом книги академика Броссе (Brosset. Ruines d'Ani, I-II, СПб, 1860–1861) и Д.И. Гримма (Памятники христианской архитектуры Грузии и Армении. СПб, 1866) – см.: (Арутюнян 1964). Раскопки под руководством Н.Я. Марра начались в Ани только в 1892–1893 гг. и продолжились в 1903–1914 годах с участием Т. Тораманяна, Н. Буниатяна и др.; их результаты широко публиковались в научной и популярной литературе – но все это случилось через полвека после подвижнического труда Тадевоса Андикяна.

³ Купол Анийского собора рухнул при землетрясении 1319 г.

Но и после появления в Ленинакане в середине 1920-х годов дипломированных архитекторов «рядовая» частновладельческая жилая застройка возводилась чаще всего тем же вернакулярным образом.

Илл. 6. Парадный и боковой фасады типичного вернакулярного дома на ул. Пушкина. Фото автора, 2017

Традиции александропольского вернакуляра живы и в сегодняшнем Гюмри. Состоятельные горожане, возводящие дома в историческом центре, не утратили интерес к архитектуре и используют приемы местного каменного строительства, идя при этом на весьма немалые дополнительные «затраты на красоту».

Для понимания специфики нашего предмета важны два следующих замечания.

А) Александрополь был городом в том античном или раннесредневековом понимании этого слова, которое подразумевает в качестве основной градоформирующей силы самодеятельность горожан – ремесленников-мастеров, хозяев собственной жизни, умело и красиво строящих свой «горизонтальный» мир.

Но этот город создавался в заданных «сверху» рамках:

- планировочных («решетка» регулярного плана),
- правовых (предписания о необходимости вписываться в «решетку» и согласовывать «рамочные» строительные проекты, указы городских властей «о выпрямлении улиц» и т.д.),
- эстетических (использование архитектурных прототипов и образцов: «высоких» – как собор Ани, и «срединных» – как разного рода альбомы и каталоги «образцовых» проектов, имевшие в городе широкое распространение).

Б) Это – свободный город, созданный при минимальном участии бюрократии и максимальном – «рядовых» жителей.

«В городе заправляли царские чиновники, но им так никогда и не удалось проникнуть в глубины его жизни, так и не удалось окрасить ее в свой цвет – серый. Правда, на улицах стояли городовые, в пригородных казармах и в крепости – войска, но это было всего-навсего кольцо, охватившее жизнь города по поверхности, извне. Внутри этого кольца Гюмри имел свои собственные краски и отстаивал их, как только мог» (Армен 1984).

Илл. 7. Таблица из книги (Браузеветтер 1904); жилой дом на ул. Туманяна (начало XX в.) построен, скорее всего, с использованием подобного каталога и дополнен грандиозной аркой ворот, одним из архетипов городского вернакулярного ансамбля. Фото автора, 2016

Административные функции сосредотачивались: в масштабе города – в Александропольской крепости (город управлялся извне скорее по военной, чем по гражданской линии)⁴. Как пограничному городу ему предоставлялся ряд особых финансовых и экономических льгот); в региональном масштабе – в Ереване, назначенном губернским центром, но в то время меньшим по численности населения, более «восточным» и менее развитым, чем Александрополь.

Архитектурно-средовой феномен Александрополя-Гюмри заключается в наличии мощного срединного средообразующего слоя исторической вернакулярной архитектуры, существующего на стыке «высокой» и «низовой» архитектурных культур.

Но гюмрийский феномен выходит за пределы застройки как таковой. Здесь наличествует *живой вернакулярный город*, причем в смысле, несколько отличающемся от того, который вкладывал в это понятие А. Высоковский. Если для Высоковского «вернакулярный город» – «мыслительная конструкция», которая зарождается в уже данной людям среде при ее обживании, переживании и осмыслении, то в данном случае, помимо (и прежде) этого, это город, созданный именно *вернакулярным образом*. В отношении исторического Гюмри это понятие перестает быть метафорой или сугубо теоретическим концептом и становится прямым определением местной реальности.

К сегодняшнему дню в большинстве городов, считающихся историческими, «вернакулярность» сохранилась лишь в виде застывших «следов», отдельных зданий-реликтов, которые могут даже состоять на охране как архитектурные памятники. Но такой город, как Гюмри, остается и сейчас живым вернакулярным городом, ибо в нем продолжают бытовать спонтанные, низовые вернакулярные

⁴ Так, по данным изучавшего этот вопрос гюмрийского архитектора Р. Егояна, «Николаю I посылались ежегодные отчеты относительно текущего состояния строительства крепостей, и без получения его одобрения работы не продолжались» (Шагоян 2012). Александрополью как пограничному городу, военному форпосту Российской империи предоставлялся ряд особых финансовых и экономических льгот.

практики. Социальное, деятельностное, нарративное наполнение среды, во многом следующее исторической традиции, здесь не менее важно, чем ее собственно архитектурные составляющие.

На простую планировочную сетку здесь накладывались плотные и сложные сети многообразных человеческих взаимодействий, экономических и культурных

Илл. 8. Вернакулярный ансамбль улицы Горганяна. Фото автора, 2017

транзакций, гетерогенных художественных образов, городских преданий и анекдотов, жизненных историй. Причем, в отличие от первой, эти сети никто не проектировал – они были полностью естественны, самоорганизованы, стохастичны. Это наложение продолжается и сегодня. И одним из результатов взаимоналожения спонтанного и спланированного становится непреднамеренная красота городской среды.

2. ВЕРНАКУЛЯРНЫЙ ЛЕКСИКОН ГЮМРИ

*anyone lived in a pretty how town
(with up so floating many bells down)
spring summer autumn winter
he sang his didn't he danced his did.
Эдвард Эстлин Каммингс⁵*

2.1 Вернакулярный ансамбль

Важная сторона уникальности Гюмри – эстетичность городской материальной субстанции. Применительно к его историческому центру можно говорить не просто о вернакулярной среде «срединного» уровня, но о среде весьма высокого архитектурного, художественного качества. Для более адекватного описания этого урбанистического феномена я предлагаю использовать понятие «вернакулярный ансамбль» (ВА).

Не является ли оно своего рода оксюмороном? Ведь «ансамбль» – термин, который обычно используется искусствоведами или историками «высокой» архитектуры. Корректно ли применять его к non-pedigreed, по словам Б. Рудовски, архитектуре?

⁵ (Каммингс Б. Г.).

Илл. 9. Вернакулярный ансамбль улицы Спандаряна. Фото автора, 2018

Не претендуя на окончательность суждений, отмечу, что приложение термина «ансамбль» к среде исторического центра Александрополя-Гюмри может быть оправдано наличием у нее очевидной эстетической ценности и образного единства, а также ряда других качеств, традиционно приписываемых архитектурному ансамблю – соразмерности, согласованности частей, уникальности, социокультурной признанности⁶.

Илл. 10. План города с выделением территории заповедника «Кумайри». 1980-е гг.
Из личного архива создателя заповедника архитектора Сашура Калапяна

Но ценность эта – все же не универсального, а локального, местного порядка. При этом целым рядом других атрибутивных свойств ансамбля в его конвенциональном понимании этот объект, очевидно, не обладает (композиционная продуманность, стилистическое единство, художественная осмысленность, иерархичность частей, синхронизированность элементов, неразрывность целого). Так что ес-

⁶ Иначе здесь не появился бы уже в 1980 году самый большой в СССР государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Кумайри», включивший в свои границы всю историческую часть города площадью около 1000 га.

ли это и «ансамбль», то ансамбль особый, и ему присущи некоторые качества, принципиально отличающие его от классического «архитектурного ансамбля».

Илл. 11. Фрагмент вернакулярного ансамбля Гюмри: стилиевой коллаж на улице Абовяна. Фото автора, 2017

Наиболее важной отличительной особенностью ВА является *субъект ансамблевости*. Ему свойствен иной, чем классическому архитектурному ансамблю, тип создателей («авторов» или акторов городской среды). Из многочисленных определений «ансамбля» моему пониманию ВА, пожалуй, более всего соответствует определение «ансамбля в сценическом искусстве» в словаре Брокгауза и Ефрона: «Для полного А. необходимо иметь эстетически образованных артистов, добросовестно относящихся к своему делу» (*Энциклопедический словарь*... 1890). Именно такими «артистами» были строители вернакулярного Александрополя.

Коллективный субъект ВА – мастера-ремесленники, «эстетически образованные» в ходе обучения у старших коллег и ознакомления с материальными и печатными образцами и прототипами, творчески действующие в рамках местных традиций и планировочных, юридических и эстетических ограничений.

Архитектор – это, по выражению Адольфа Лооса, «строитель, выучивший латынь». Гюмрийские мастера латыни, скорее всего, не знали – они разговаривали на своем языке (и в переносном – на местном архитектурном лингва франка, – и в прямом смысле: гюмрийский диалект и гюмрийский юмор до сих пор четко распознаются в Армении).

И еще – они были открыты для творчества, и они импровизировали, свободно смешивая в своих произведениях элементы высокой, срединной и низовой архитектурных культур.

«В классической музыке музыкальное сочинение важнее, чем его исполнение, а в джазе наоборот», – говорил американский композитор Андре Превин. Так, по-джазовому, и был исполнен этот город-джем-сейшен, и эта его непредсказуемая импровизационность – еще один фактор его особой привлекательности.

Приведу характерный пример – фрагмент застройки улицы Руставели. Там есть на первый взгляд странная пара – один из самых роскошных домов Александрополя⁷ и довольно бесцеремонно поставленная рядом с ним, скорее всего в 1950-е годы, башенка электроподстанции.

⁷ Т.н. «Дом с двойным карнизом». Он интересен, в частности, «шахматной» сбивкой осей кронштейнов двух карнизов в боковых частях фасада при их согласованности в центральной части. Мастер импровизировал от души!

Илл. 12. Фрагмент вернакулярного ансамбля
Гюмри: надгробие на старом городском
кладбище. Фото автора, 2017

Илл. 13. «Дом с двумя карнизами» и башенка
электроподстанции на ул. Руставели.
Фото автора, 2019

Илл. 14. Перебивка осей кронштейнов в боковых частях фасада «Дома с двумя карнизами».
Фото автора, 2018

Строители башенки работали в совсем иное время, чем строители дома, в ином социуме, с иного рода заказчиком. А получился в итоге своего рода вернакулярный (микро)ансамбль, сложенный по тем же базовым принципам – рукодельность, любовное отношение к материалу, сомасштабность человеку, уважение к контексту, вписанность в ткань места.

2.2 Продолжающийся вернакуляр 1950-х

Американский историк архитектуры Грег Кастилло считает, что в «восточных» национальных республиках СССР в целом использование местных, национальных архитектурных форм в государственном строительстве имело чисто внешний, декоративный характер: «Преследуя цель преобразования «отсталых» обществ по образу социализма, культурные власти [Советского Союза] монументализировали формы вернакулярной архитектуры, чтобы символизировать региональную идентичность населения, и в то же время ликвидировали социальные и политические структуры, которые лежали в основе вернакулярных традиций» (Castillo 1997).

В Ленинакане «структуры, лежавшие в основе вернакулярных традиций», каким-то образом продолжали существовать – это видно по результатам преемственного «низового» воспроизводства алекпольского вернакуляра вплоть до конца 1950-х годов.

Илл. 15. Дом 146 по ул. Гукасяна. Построен мастером
Петросом Карапетяном в 1957 г.
Фото автора, 2018

Советской властью не были уничтожены вернакулярные практики жилищного строительства. «Городу ремесленников», вопреки официальной борьбе с вернакуляром⁸, удалось удержать традицию частной жилой застройки по историческим прототипам. Принцип «свобода внутри решетки» продолжал действовать.

Официальный город как бы закрывал глаза на повседневную жизнь, проходившую в кварталах регулярного вернакуляра, частично огражденных в 30-е – 50-е годы «ширмами» сталинских парадных проспектов. На свободных участках исторических кварталов продолжалось создание нормального (не-социалистического, не-модернистского) города – руками его жителей.

Илл. 16. Мастер Петрос и его семья. Фото 1950-х гг. Из архива семьи Карапетян

⁸ Так, «В 1931 году вышло постановление ЦК КП/б/А “О бесплановом строительстве и дефектах в архитектурно-строительном деле”, в котором говорилось о запрещении практики заказывания проектов частным лицам, подчас мало квалифицированным, и ведения строительства без утвержденных проектов» (Долуханян 1980).

Характерный пример – дом № 146 по улице Гукасяна, построенный мастером Петросом Карапетяном в 1957 году. Согласно рассказу вдовы мастера Анаит Карапетян⁹, дом возведен на предоставленном горисполкомом угловом земельном участке в юго-восточной части исторического города, распланированной еще в начале 20 века, и был уже третьим по счету, сооруженным мастером для его семьи по мере ее роста. Черные туфовые камни для облицовки фасадов по 5 рублей за штуку (примерно 1/150 от средней зарплаты в СССР в 1957 г.) мастер заказывал на карьере, а затем собственноручно обтесывал с выполнением архитектурных деталей. Остальные материалы были не столь дороги, но весь дом был сложен Петросом собственноручно. На стройке каждодневно работала и его жена. Интересна трудовая этика этой семьи, принципиальное равенство ее членов. Анаит рассказывала:

«- Мы этот дом построили вдвоем.

- Вы помогали мужу?

- Я не помогала, я работала! Обычно на стройке бывают мастер и рабочие. Так вот, Петрос был мастером, а я – рабочим. Потому что пятеро детей было, и не было возможности рабочего нанять. Работали рано утром, до ухода мужа на работу. Отходы от камней я собирала в ведра и заполняла ямы на улице».

На иждивении мастера (он и формально работал в то время мастером в строительной бригаде при железнодорожной станции – не худшая, но и далеко не самая высокая должность в тогдашнем Ленинакане) находилось шесть человек (жена, сын и четверо дочерей), детей нужно было готовить к поступлению в институты, девочек – к замужеству, и каждый рубль в семье был на счету. Несмотря на это, только на украшение двух уличных фасадов дома потрачены немалые деньги. Было важно построить дом «не хуже, чем у людей». А по возможности и лучше – особняк стал первым в округе, оборудованным ванной с горячей водой, что вызвало любопытство и зависть соседей.

Рассказчица подробно описала роль в процессе строительства знакомого ее мужа – городского инженера, бесплатно выдавшего мастеру проект двухэтажного дома, а затем закрывшего глаза на то, что из-за нехватки средств был построен совершенно другой – одноэтажный дом.

Этот простой с виду дом и по сей день украшает город, закрепляя один из углов его прямоугольных кварталов. В тридцатую годовщину землетрясения 1988 года внучка мастера, Ани Саркисян, вспомнила в своем посте в Фейсбуке: «Мой дед Петрос был каменщиком... После страшного землетрясения он попросил его отвезти в Гюмри, прошелся по всем своим постройкам... впервые я видела слезы на его глазах... “Теперь, девочка моя, моя душа спокойна. Всем свое дело надо делать на совесть, тогда не было бы столько жертв...” Дома, которые построил мой дед в Гюмри, были целы после землетрясения и стоят по сей день...».

⁹ Беседа с автором 08.05.2017, Ереван. Бабушка Анаит ушла из жизни 12 мая 2019 года в возрасте 97 лет.

Илл. 17. Дом 146 по ул. Гукасяна. Деталь.
Фото автора, 2018

Вернакулярная архитектура – всегда устойчива (в полном значении термина sustainable). В случае Гюмри она доказала свою устойчивость и в буквальном смысле. На фасадах здесь часто высечена дата строительства здания. Читая этот «вернакулярный дневник» города, можно установить рубеж преемственного бытования традиционного вернакуляра в Ленинакане. Это конец 1950-х – начало 1960-х гг., время запуска массового жилищного строительства, когда у горожан

впервые появилась возможность решить жилищный вопрос иными способами, получая квартиры в пятиэтажках.

2.3 Неовернакуляр XXI века

В начале нового тысячелетия в городе появились новые дома из черного туфа. Иногда они безыскусны, порой – если хозяева побогаче – с претензией на «роскошность», пропорции их больше не идеальны, детали вычурны и порой вульгарны. Они строились при неодобрении тогдашнего мэра города, неофициально запретившего в городе новые черные дома («они печальны, нам нужны светлые, радостные»), но для себя построившего в историческом центре города шикарный черный нео-вернакулярный особняк.

Илл. 18. Новые дома из черного туфа постройки
2000-х гг. на улице Маяковского.
Фото автора, 2018

Таких слишком щедро, чрезмерно украшенных новых домов достаточно много в центре города. В отличие от контекстуального исторического вернакуляра, их задачи амбициозней. С одной стороны, их заказчики находятся внутри традиции, следуют ее устоям (строят только по красным линиям, не выше двух этажей, используют традиционные материал и декор). С другой, они хотят не просто влиться в городской ансамбль, но

проявить собственную значимость, выделиться из общего ряда. Отсюда – перебор в деталях, их взаимонесоответствие, нарушение негласных правил построения фасадов, коим следовали старые мастера...

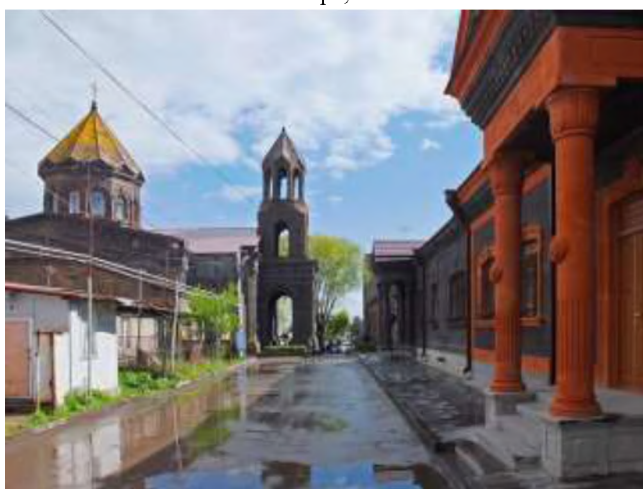
Но появляются и более скромные и уместные 1- и 2-этажные черные дома, корректно встраиваясь в среду и продолжая в XXI в. лучшие традиции александропольских мастеров и их наследников, работавших в Ленинакане еще в 1950-х гг.

Илл. 19. Дом постройки 2000-х гг. на ул. Абовяна – реплика «Дома с 2 карнизами». Фото автора, 2017

Илл. 20. Новый и старый дома из черного туфа на улице Шираза. Фото автора, 2018

Илл. 21. Одноэтажные дома постройки 2010-х гг. с деталями из красного туфа на т.н. 25-й улице, подчиненные по высоте церкви Богородицы (известной также как Церковь Семи ран). Фото автора, 2019

Илл. 22. Арка между модернистским и историческим зданиями из черного туфа. Фото автора, 2019

Мы знаем, как трудно принимаются и тем более исполняются ограничительные режимы нового строительства в постсоветских исторических городах. Тем удивительнее само появление подобных зданий, полностью уместных и «правильных», происходящее здесь без всяких писанных правил. В городе как будто бы действует какой-то невидимый, очень строгий регламент, преступить который не то чтобы невозможно – горожане сами этого не хотят.

Символична появившаяся совсем недавно небольшая каменная арка, «сшивающая» кубический объем нового черного модернистского здания на главной площади города с соседним историческим домом. Такое возможно, как представляется, только в таких городах, как Гюмри.

ity like this one makes me dream tall and feel in on things.

Тони Моррисон¹⁰

Выводы: Гюмри расценивается сегодня в Армении как единственный хорошо сохранившийся исторический город страны. По мнению властей, его нужно развивать как туристический центр. Но соответствует ли такое направление развития природе этого города, который был построен его жителями прежде всего для самих себя?

В мире сегодня умеют создавать туристические «витрины». А вот как вернуть город к его глубинным основам, как направить вектор преобразований не на внешнюю привлекательность, а на поддержание собственной логики его саморазвития?

Это серьезный вызов и для горожан, и для специалистов. Ответить на него можно, только внимательно изучая исторические особенности и живые сегодняшние практики вернакулярного города.

В эпоху тотальной гибридизации, цифровизации, тиражирования всех сторон человеческой жизни чрезвычайно важно сохранить такие редкие, чудом сохранившиеся, аутентичные вернакулярные города-ансамбли, как исторический Гюмри. Их одухотворенная традициями, культурой и рукотворностью среда дает нам надежду, что современный – и будущий – город может быть *не* бездушен и *не* бесчеловечен.

**ԳՅՈՒՄՐՈՒ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՎԵՐՆԱԿՈՒԼՅԱՐ
ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ. ՀԱՄԿԱՅՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱՎՈՐՈՒՄ
ԵՎ ՊԱՀՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒՂԻՆԵՐ
*Իվանով Ա. Վ.***

Բանալի բառեր՝ վերնակույար ապրող քաղաք, վերնակույար ամբողջություն, կանոնավոր վերնակույար, ազատություն ցանցի մեջ, սև տուֆ, վարպետ:

Գյումրի քաղաքի /նախկին Ալեքսանդրապոլ, Լենինական/ ճարտարապետական և միջավայրային առանձնահատկությունները հատկորոշվում են վերնակույար ճարտարապետությանը հատուկ շերտվածությամբ՝ «առանց ճարտարապետների ճարտարապետություն» (Բերնարդ Ռուդոֆսկի) բնորոշմամբ. կառուցապատողները վարպետ քարտաշ-որմնադիրներն էին, իսկ որպես շինարարական հումք օգտագործվում էր սև տուֆը:

¹⁰ Цит. по: (New York... 2000). Я предпочел привести эту удивительно точно описывающую мое ощущение Гюмри фразу в оригинале, ибо могу предложить лишь приблизительный перевод, не передающий всех ее смыслов: “Этот город побуждает меня мечтать о высоком и находить самого себя во всем сущем”.

19-րդ դարի վերջին և 20-րդ դարասկզբին Գյումրին Արևելյան Հայաստանի ամենամեծ քաղաքն էր, նրա տնտեսական և մշակութային կենտրոնը /Հայաստանը Ռուսական կայսրության կազմում էր/:

Քաղաքի պատմական մասը նախագծված ցածրահարկ ուղղանկյուն թաղամասերն են: Չնայած 1926 և 1988 թվականների ավերիչ երկրաշարժերին՝ քաղաքը պահպանում է ինքնատիպությունը և ծառայում է որպես բազմագործոնային միջուկ:

Հոդվածում Գյումրու օրինակով լուսաբանվում են վերնակույար քաղաքի և վերնակույար անսամբլի տեսական նոր մոտեցումները, ինչպես նաև քննվում են տարբեր փուլերում հիշյալ ճարտարապետության երևան եկած մասնահատկությունները: Ճարտարապետական նշված հատկորոշումը բնորոշ է ոչ միայն 19-րդ դարավերջին և 20-րդ դարասկզբին, այլև խորհրդային տարիներին, երբ մասնավոր ճարտարապետական գործունեությունը պաշտոնապես արգելված էր:

Ավելին՝ անգամ այսօր, երբ տեսնում ենք Գյումրի քաղաքում ճարտարապետական առատ զարդարանքներով ինքնաբերական վերնակույար շինությունների իսկական վերածնունդ, նկատում ենք նաև ավանդական մեթոդների հիմնալի կիրառում և վարպետների սերը կատարվող աշխատանքի նկատմամբ:

HISTORICAL VERNACULAR ARCHITECTURE OF GYUMRI: JUSTIFICATION FOR THE CONCEPT AND WAYS TO MAINTENANCE

Ivanov A. V.

Key words: *living vernacular city, vernacular ensemble, regular vernacular, freedom inside the grid, black tuff, master.*

Architectural and environmental peculiarities of the city of Gyumri (former Alexandropol, Leninakan) located in the Republic of Armenia, lie in the vernacular – a significant layer of historic “architecture without architects” (Bernard Rudofsky) built by local skilled stonemasons from the local material, called black tuff.

Gyumri was in the late 19th – early 20th centuries the largest city of Eastern Armenia (Armenia within the borders of the Russian Empire), its economic and cultural center.

The historical part of the city is based on a rectangular planned network filled with one-two-story stone vernacular buildings (on the unwritten principle of “freedom inside the grid”).

Until now, despite the devastating earthquakes of 1926 and 1988, it remained practically authentic and serves as a living multifunctional city core.

New theoretical concepts of the living vernacular city and the vernacular ensemble, developed by the author, are settled in the article. The peculiarities of the emergence of vernacular architecture at different stages of urban formation are examined.

It took place not only during the heyday of the city in the late 19th – early 20th centuries, but also in Soviet times, when private architectural activity was officially forbidden, and today when we see the revival of spontaneous vernacular construction in excessively decorated forms but with the same traditional methods and the masters' love for their works.

R e f e r e n c e s

1. **Armen M.** Rodnik Egnar (The Egnar's Spring). Yerevan: Sovetakan Groh Publ., 1984, p. 35 **(In Russian)**.
2. Atlas krepostey Rossiyskoy imperii (Atlas of Fortresses of the Russian Empire). Saint-Peterburg, s.a. URL: istmat.info/files/uploads/45273/atlas_krepostey_rossiyskoy_imperii_ok_1830_chast_i.pdf **(In Russian)**.
3. **Arutyunyan V.** Gorod Ani (The City of Ani). Yerevan: Aramaynskoe Gosydarstvennoe Publ., 1964, pp. 14–15. URL: <http://www.armenianhouse.org/harutyunyan-varazdat/ani/intro.html> **(In Russian)**.
4. **Brauzevetter A.** Architekturnye formy gragdanskikh postrerek (Architectural Forms of Civil Buildings). Saint-Petersburg: I. I. Bazlov Publ., 1904 **(In Russian)**.
5. **Vysokovskiy A.A.** Vernacularnyy gorod (The Vernacular City). Alexander Vysokovskiy v 3 t. (Alexander Vysokovskiy in 3 vol.). Vol. 3. Public. Moscow: Grey Matter Publ., 2015, pp. 30–33 **(In Russian)**.
6. **Dolukhanyan L. K.** Arhitektura Sovetskoy Armenii: 20-e gody (Architecture of Soviet Armenia: the 20s). Yerevan: Sovetakan Groh Publ., 1984, p. 10 **(In Russian)**.
7. **Cummings.** Kto-to zhil v slavnom schitay gorodke... Perevod s angliyskogo V. Britanishskogo (Anyone lived in a pretty how town... Trans. from English by B. Britanishsky). S. a. URL: <https://www.stihi.ru/2013/08/13/1993> **(In Russian)**.
8. **Papikyan O.** Tserkvi v dvuch gorodach, soedinennye tragicheskoy sudboy (Churches in Two Cities, United by a Tragic Fate). Nazional'naya ideya (The National Idea, Internet journal), 2011, no 10. URL: <http://national-idea.am/articles.php?id=313&l=> **(In Russian)**.
9. **Sogomonyan A.** (What to Sights of Shirak Dostoptimechatelnosti Shirakskoy oblasti: chto posmptret' Region See?). URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/11/17/> **(In Russian)**.

10. **Shagoyan G.** «Pervy» i «vtoroy» v obrazakh Gyumri: opyt semioticheskogo analiza gorodskogo teksta (“The First” and “The Second” in the Images of Gyumri: The Experience of Semiotic Analysis of the Urban Text). *Kritika i Semiotika*(Criticism and Semiotics), 2012, vol. 16, 17-47. URL: <https://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS16/cs016shagoyan.pdf> **(In Russian)**.
11. *Enziklopedichedkiy slovar' Brokgausa i Efrona* (Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary). Ed. I.E. Andreevskiy. Vol. Ia. Saint-Petersburg: Semenovskaia Tipo-Litografiia (I.A. Efron) Publ., 1890, pp. 821–822 **(In Russian)**.

Принята: 30.03.2020

Рецензирована: 20. 04. 2020

Сдана в пч.: 27. 05. 2020'

Информация об авторе

Андрей ИВАНОВ: профессор Московской международной академии архитектуры, Агентство промышленного развития города Москвы, E-mail: andreyivanovarch@mail.ru